РУСКОЙ

ВѢСТНИКЪ

НА 1820й ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ IIя.

VI 16

МОСКВА.

РУССКОЙ

ВѢСТНИКЪ

НА 1820^й ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

КНИЖКА IIя.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Января 28го дня 1820 года. *Коллежскій Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

НОВОЕ
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НѢКОТОРЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ КНИГЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ И ИЗЪ КНИГЪ ДУХОВНЫХЪ.

Отрада страждущихъ, небесно

вдохновенье,

Приноситъ вѣра намъ и жизнь

и награжденье.

НѢКОТОРЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ КНИГЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ И ИЗЪ КНИГЪ ДУХОВНЫХЪ.

Сотвореніе міра и человѣка.

Сей міръ и небеса и все, что видимъ мы,
Въ шесть дней Богъ сотворилъ и все извлекъ изъ тьмы.
Онъ рекъ: *да будетъ свѣтъ!* и солнце возсіяло,
И мѣсто и чреду свою все воспріяло:
Разлилися моря; раскинулись лѣса;
Растѣній и плодовъ представилась краса.
Для дня Онъ солнце далъ, луну Онъ далъ для ночи;
Разсѣялъ звѣзды Онъ, прельщающія очи.
Различныхъ Онъ потомъ животныхъ сотворилъ:
Однимъ жилищемъ Онъ моря опредѣлилъ;

Другимъ въ селеніяхъ велѣлъ парить воздушныхъ;
И глыбамъ наконецъ Онъ предписалъ бездушнымъ
Животныхъ извести, чтобъ землю населить.
Когожъ опредѣлилъ Царемъ всѣхъ тварей быть?
Онъ человѣку все то отдалъ въ обладанье.
И превосходное изъ всѣхъ сіе созданье
Подобьемъ, образомъ своимъ Онъ надѣлилъ;
Изъ праха взявъ его, свой духъ въ него вселилъ.
Коль добродѣтель мы, коль Вѣру сохраняемъ,
Подобіе тогда Создателя являемъ.
Изъ человѣка Онъ извлекъ жену его,
Чтобъ нераздѣльностью созданія сего
Семейственно во всемъ устроилось согласье;
И въ томъ Богъ заключилъ семейственное счастье.

БЛАЖЕНСТВО ПЕРВАГО ЧЕЛОВѢКА И ПАДЕНІЕ ЕГО.

Богъ поселилъ перваго человѣка въ прелестнѣйшемъ мѣстѣ, названномъ Раемъ, находившимся въ предѣлахъ Азіи. Заповѣдь Божія. Коварство и лесть въ видѣ змѣя обольщаютъ Еву, жену Адама. Коварство низвергается въ прахъ. Наказаніе постигаетъ ослушаніе и неблагодарность.

Въ мѣстахъ прелестнѣйшихъ, между прохладныхъ рѣкъ,
Для счастья поселенъ былъ первый человѣкъ;
Но счастіе свое мы сами помрачаемъ,
И блага всѣ имѣвъ, мы благъ другихъ желаемъ.
Творецъ, *Адаму* все въ разпоряженье давъ,
Въ Раю одинъ ему сей предписалъ успавъ:

„Чтобъ не касался онъ ко древу разумѣнья,
„Рождающему въ насъ зловредныя сомнѣнья
„И открывающу различья зла съ добромъ.“
Но гордость хочетъ все обнять своимъ умомъ.
Лукавый, хитрый змѣй злой умыслъ соплетаетъ;
Приближась къ *Евѣ* онъ, ей рѣчь сію вѣщаетъ:
„Богъ къ древу запретилъ за тѣмъ касаться вамъ,
„Чтобъ вы подобными не сдѣлались Богамъ.
„Вкусите плодъ его; изчезнетъ мракъ предъ вами:
„Добра и зла тогда вы будете судьями.“
Коварна лесть къ вреду и пагубѣ влечетъ.
Вкусили праотцы имъ запрещенный плодъ;
Вкусивши — наготы своей вдругъ устыдились,
Изъ листвій сшить себѣ одежды устремились.

Смущенье, стыдъ и страхъ въ сердцахъ возникли ихъ;
Съ невинностью всѣхъ благъ лишаемся своихъ.
Невинность къ небесамъ и къ Богу приближаетъ;
Порокъ отъ Бога насъ и неба уклоняетъ.
Сокрылись праотцы; но видитъ ихъ Творецъ;
И грознымъ Судіей нѣжнѣйшій сталъ Отецъ.
Змѣй обольститель въ прахъ, въ позорный прахъ повергся;
Творецъ опредѣлилъ, чтобъ по землѣ онъ влекся
И тѣмъ бы гордости ничтожность изъявлялъ.
И нашихъ праотцевъ Богъ правды наказалъ:
Женѣ Онъ повелѣлъ раждать съ болѣзнью, мукой,
Супругу своему подвластной быть супругой;
А мужа Онъ обрекъ земную скорбь узнать
И пищу тягостнымъ трудомъ пріобрѣтать.

Для нихъ закрылся Рай . . . Но коль
Творца велѣнье
Мы примемъ внутрь сердецъ, когда
явимъ терпѣнье
Въ печаляхъ и трудахъ, надежда и
любовь
Въ согласьи съ Вѣрою намъ Рай от-
кроютъ вновь.

ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ИСТОЧНИКЪ ВСѢХЪ ЗЛОДѢЯНІЙ и БРАТОУБІЙСТВА.

Каинъ, старшій сынъ Адама и Евы, занимался земледѣліемъ; Авель, братъ его, былъ пастыремъ овецъ. Первый былъ нрава суроваго; вторый былъ кротокъ и богобоязненъ. Однажды оба брата приносили жертву. Богъ пріемлетъ жертву сердечную, и отвергаетъ приношенія наружныя. Авелева жертва была принята, а Каинова отвергнута. Пылая завистью, Каинъ позвалъ Авеля въ поле и убилъ его.

Все братская любовь крѣпитъ и сзидаетъ,
А злоба родственна всѣ связи расторгаетъ.
Въ началѣ міра намъ примѣръ сему явленъ.
Бывъ въ сердцѣ завистью строптивой воспаленъ,

На брата кроткаго братъ злобный ополчился,
И *Авель* жертвою злодѣйства учинился.
Но вскорѣ гласъ Творца убійцу поразилъ.
„Гдѣ братъ твой?“ Царь небесъ убійцу вопросилъ;
Раскалнія чуждъ злодѣй ожесточенной,
Смириться не хотѣлъ передъ Творцемъ вселенной.
Жестокосердый братъ, онъ смерть лишь призывалъ;
Онъ жилъ, и совѣсти всечасной жертвой сталъ.
Невинность въ небесахъ отраду получаетъ;
А злоба на землѣ томится и страдаетъ.

МОИСЕЙ,

или

СИЛА

БЛАГОТВОРЕНІЯ И ЛЮБВИ КЪ БЛАГУ ОБЩЕМУ.

Моисей, рожденный отъ *Аврама* и *Іохаведы*, есть древнѣйшій Историкъ, величайшій Философъ и мудрѣйшій законодавецъ.

Гоненіе и злоба людей встрѣтили его въ мірѣ. Бѣдствіемъ испытуются превосходныя души; въ училищѣ злополучія почерпаютъ онѣ твердость, отражающую стрѣлы злобы и гоненія. Изъ водъ Нила, долженствовавшихъ быть его гробомъ, прешелъ *Моисей* въ чертоги Фараоновы.

Великая душа вездѣ сохраняетъ достоинство свое. Средь мглы язычества научается *Моисей* познавать истиннаго Бога; среди отравъ величія мыслитъ онъ о спасеніи народа Израильскаго, угнѣтаемаго Египтянами. Не блескъ багряницы Фараоновой, не клики пиршественные, — его занимаютъ нищета и страданіе Израиля; его поражаютъ вопли стенящихъ братій.

Вотъ первое знаменіе чадъ небесныхъ! Вездѣ, во всякое время предпочитаютъ они общее благо выгодамъ своимъ; они мыслятъ только о пользахъ человѣчества. Чтожъ тѣ, которые за одну улыбку случайности продаютъ душу, совѣсть и Бога? —

Ѳіопы возстаютъ на землю Египетскую; *Моисей* низлагаетъ ихъ. Чѣмъ награждается онъ? Ненавистью Царя, злоумышляющаго на жизнь его. *Моисей* не скорбитъ;

награда его — Богъ, желаніе его — свобода Израильтянъ.

Новое и люте́йшее пораженіе для души его готовится: онъ хочетъ спасти народъ Израильской отъ нестерпимаго ига Египтянъ, онъ для собраній своихъ готовъ жертвовать жизнію;— и они подвергаютъ его всей ярости Фараоновой, который грозитъ ему смертію. Сострадая не о себѣ, но о слѣпотѣ, о безчувствіи Израильтянъ, удаляется *Моисей* въ землю *Мадіамскую*. Вездѣ насиліе зритъ въ немъ врага; вездѣ слабость находитъ въ немъ защитника. Отъ строптивости пастырей спасаетъ онъ семь дщерей Мадіамскаго жреца *Іоѳора*; одна изъ нихъ, именуемая *Сепфорой*, содѣлывается его супругой.

Моисей провелъ сорокъ лѣтъ въ пастырскомъ состояніи. Въ тѣ времена званіе сіе было почтенно,

ибо люди были ближе къ природѣ. Сколь часто изъ земли *Мадіамской* взоры его устремлялись къ Египту! сколь страдалъ онъ о жребіи Израильтянъ неблагодарныхъ, но все еще любезныхъ его сердцу! Любовь къ согражданамъ своимъ есть страсть великихъ душъ. . . Наступилъ рѣшительный часъ его жизни; изъ пламенной купины внемлетъ онъ священный гласъ — гласъ Бога, ввѣряющаго ему спасеніе Своего народа.

Уже ли уклонится онъ отъ наслажденій любви и отрадъ супружескихъ? уже ли слезящіе взоры и нѣжныя моленія его подруги не остановятъ его въ землѣ *Мадіамской?* уже ли любовь къ Отечеству исторгнетъ его изъ объятій *Гирсама* и *Еліазара*, сихъ неоцѣненныхъ чадъ сердца его? Тотъ, кто отвергъ обольщеніе величія, тотъ и сладчайшими чувствами сердца

человѣческаго пожертвуетъ благу общему. Сколь трудный подвигъ совершаетъ *Моисей!* Богъ, ему явившійся, изображается въ рѣчахъ, въ душѣ и въ дѣяніяхъ его.

Уже народъ Израильскій исходитъ изъ Египта въ слѣдъ своего избавителя. Въ яростныхъ волнахъ Чермнаго моря погибаетъ воинство Фараоново. Всѣ ли испытанія кончились для *Моисея?* Народъ Израильскій! и ты, ты ропщешь на него! Какъ! ты едва изторгся изъ порабощенія, изъ неволи, и уже жалѣешь о Египтѣ, и спасителя своего считаешь врагомъ своимъ! Чѣмъ разсѣитъ онъ твою слѣпоту? чѣмъ укротитъ онъ твое буйство? Новыми благодѣяніями.

Властители народовъ! сколь поучительный для васъ примѣръ! „Любовь и благотворенія“ вѣщаютъ боговдохновенные писатели: „супь

„единый узелъ, соединяющій наро-
„ды съ ихъ правителями. Любовь
„вознаграждается одною любовью.
„Сколь счастлива страна, зрящая
„въ лицѣ своего Владыки своего
„отца, своего друга, виновника
„всѣхъ своихъ благъ! Не страхомъ
„казней, не силою оружія защи-
„щается его престолъ, но сердца-
„ми его подданныхъ, его чадъ.“

Наконецъ уже не въ пламенной купинѣ, но *лицемъ* къ *лицу* бесѣдуетъ *Моисей* съ Богомъ; получаетъ отъ Него Скрижали Его заповѣдей, и возвѣщаетъ ихъ племенамъ Израильскимъ. Съ вершины горы Синайской насладился онъ только воззрѣніемъ на страну обѣтованную. Тамъ скончалась его жизнь; — доселѣ неизвѣстно, гдѣ погребенъ сей великій мужъ. Но духъ его живетъ въ законахъ, пре-шедшихъ до насъ изъ вѣка въ вѣкъ; безсмертныя дѣянія его на-

печатлѣны во всѣхъ сердцахъ. — Друзья и благодѣтели человѣчества! вселенная есть мѣстопребываніе памяти вашей; бытіе ваше въ обителяхъ небесъ и въ чувствіяхъ благоговѣющаго къ вамъ человѣчества.

МОИСЕЙ НА ГОРѢ СИНАЙСКОЙ.

Вселенныя Творецъ, всемощною десницей
Низвергнувъ гордаго владыку съ колесницей
Въ кипящу бездну волнъ,
Средь водъ народъ Свой спасъ, томившійся въ неволѣ.
Погибъ мучитель *Фараонъ*;
А кроткій *Моисей*, Небесъ покорный волѣ,
Отвергнувъ блескъ Дворца,
Отвергнувъ пышности, плѣняющи сердца,
Израиля сталъ предводитель.
Превыспреннихъ круговъ Властитель
Уже въ *Синайскую* пустыню ввелъ его;
Израиль близъ вершинъ *Синая* ополчился,
Гдѣ голосъ *Моисей* внявъ Бога своего,
Спѣшилъ на возвышенье,
Взошелъ; — и Богъ ему вѣщалъ:
„Я чадъ *Іаковлихъ* расторгъ порабощенье,
„Кичливость гордыхъ наказалъ;

„Чтобъ волны побѣдить пучины,
„Я крылія вамъ далъ орлины,
„И васъ вознесъ къ Себѣ.
„Въ свободной, счастливой жить будете судьбѣ,
„Когда вѣщанія Мои всѣ сохраните,
„Коль души и сердца свои Мнѣ покорите.“
Съ горы низходитъ *Моисей*,
Зоветъ *Израильскихъ* вождей
И Вышняго Творца имъ волю возвѣщаетъ.
Единодушно весь *Израиль* отвѣчаетъ:
Что Богъ изрекъ, все сотворимъ;
Сердца и души наши съ Нимъ!
Три дни *Израиль* весь предался размышленью,
Страстей всѣхъ отчужденью;
Онъ все земное позабылъ,
И Богомъ оживясь, для Бога только жилъ.
День третій наступилъ; — вдругъ раздалися громы,
И *облакъ*, бурею несомый,
На высоту горы какъ мрачна ночь низпалъ;
Ко встрѣчѣ Господа *Израиль* весь предсталъ.
Верхи дымилися *Синая*;
Народъ, молчанье сохраняя,

Во трепетѣ благоговѣлъ;
На высоту горы священной
Никто воззрѣть не смѣлъ.
Но Богомъ вдохновенной
Вождь дивный Моисей
Вступилъ — и голосъ внялъ Божественныхъ рѣчей:
„Я Благодѣтель твой, Господь и Избавитель;
Я счастья твоего Виновникъ и Творецъ;
Мой проницаетъ взоръ во глубину сердецъ;
Вѣщанья Моего будь вѣрный исполнитель.
Не будь поклонникомъ кумировъ никогда;
Ихъ скованы уста, ихъ очи помрачены;
Имъ неизбѣжная во прахѣ тлѣнь чреда;
Они къ ничтожеству на время вознесенны.
Надежду, счастіе во Мнѣ всю полагай;
Но всуе своего Творца не призывай.
Субботный помни день, святи его дѣлами;
Съ друзьями, съ ближними, съ семействомъ и рабами
Сей день благословляй и сердцемъ и умомъ;

Въ сей день ты успокой пришельца
и свой домъ
Чти матерь и отца, люби ихъ всей
душою,
И долголѣтіе пребудетъ здѣсь съ
тобою.
Страшися ближнихъ кровь невинну
проливать;
Страшися чистоту развратомъ
омрачать;
Чужое похищать имущество стра-
шися,
И мыслей отъ клевет злословныхъ
уклонися.
Что послано тебѣ, ты тѣмъ дово-
ленъ будь.
Доколѣ живъ, Моихъ вѣщаній не за-
будь.“
Вновь трубный гласъ взгремѣлъ,
блеснуло озаренье
Сквозь дымъ, несущійся отъ высоты
святой. . .
Блаженъ! кто Божіе хранитъ всег-
да рѣченье,
Кто жребій поручилъ Ему навѣки
свой!
Храня законъ Творца, вездѣ най-
детъ отраду,
И встрѣтитъ новую на небесахъ
награду.

ПОВѢСТВОВАНІЯ ИЗЪ КНИГЪ ДУХОВНЫХЪ.

ВАВИЛА И ТРИ ОТРОКА,

или

СИЛА ВОСПИТАНІЯ.

Нумеріянъ, Царь Рима и Великой Антіохіи, воюя съ однимъ изъ сосѣднихъ ему Царей, заключаетъ съ нимъ миръ, и въ залогъ нерушимости онаго пріемлетъ отъ него сына. Нечестіе ругается обѣтами; клятва въ устахъ его, въ сердцѣ злоумышленіе. Забывъ моленія и слезы отцовскія, Нумеріянъ собственною рукою закалаетъ невиннаго отрока на олтарѣ кумировъ, которыхъ безмолвіе льститъ его неистовству. Несчастный! вскорѣ услышитъ онъ гласъ Бога, копіющаго въ громовомъ трескѣ,

въ терзаніяхъ совѣсти и видимаго въ блескѣ молній и сіяніи небесныхъ свѣтилъ.

Въ то же самое время *Вавила*, правитель церкви Антіохійской, пасшій стадо свое *словомъ, житіемъ, любовію, Вѣрою, духомъ, чистотою — Вавила* приноситъ истинному Богу жертву безкровную, жертву угодную Создателю небесъ и Отцу людей — изліяніе душъ и сердецъ.

Обагрясь кровію беззащитнаго отрока, *Нумеріянъ* внемлетъ о подвигѣ *Вавилиномъ;* съ сонмомъ ласкателей и рабовъ своихъ отъ олтарей нечестія стремится къ жертвенникамъ Бога правоты и Блюстителя невинности.

Уже онъ достигаетъ преддверія храма. — „Остановись,“ восклицаетъ *Вавила:* „остановись! „не оскверняй присутствіемъ сво-

„имъ святыни Бога живаго!“ — Тиранъ упорствуетъ, грозитъ; прещеніе Царево не устрашаетъ добродѣтели: десница *Вавилы*, кадящая истинному Богу, уже у персей нечестивца и воспрещаетъ ему входъ. Троекратное Нумеріяново покушеніе силою Вышняго отревается; со стыдомъ и гнѣвомъ отходитъ онъ въ чертоги. Назавтра, повелѣвъ истребить огнемъ обитель Христіанъ, призываетъ *Вавилу*. Сколь грозно прещеніе Царево! Всѣ трепещутъ; *Вавила* отвѣчаетъ: „Нумеріянъ! „вѣщаніе и рука моя, управляемыя „Богомъ, отвратили тебя вчера „отъ подвига неистоваго; и нынѣ „вотще предалъ ты пламени свя„щенный храмъ: Нумеріянъ! храмъ „Царя Царей есть — вселенная, „олтарь Его — сердца непорочныя, „пріятнѣйшее Ему служеніе — „правота и твердость чадъ Его.“

Что предпринимаетъ Нумеріянъ въ ярости гнѣва своего? Онъ

прибѣгаетъ къ улещенію, къ тому орудію, которымъ пресмыкающаяся подлость не рѣдко уловляетъ всемощное тиранство. Онъ мнитъ, что ласковый его взглядъ, льстивый глаголъ, оковывающіе низость и раболѣпіе, искусятъ Вавилу. „Что есть Богъ?“ вопрошаетъ онъ съ притворною кротостію. *Вавила* въ существѣ непостижимомъ изображаетъ Правителя небесъ, Отца людей, Защитника слабыхъ, Судію неправоты, Наградителя добродѣтели, страшнаго во гнѣвѣ, снисходящаго къ раскаянію, словомъ, Бога правды и любви.

Истинное просвѣщеніе знаменуется смиреніемъ; невѣжество и суемудріе упрямствомъ и тщеславіемъ. Не уразумѣвъ перваго отвѣта, Нумеріянъ о другомъ вопрошаетъ: „Что есть человѣкъ?“ — „Человѣкъ есть смиренъ и *пер-*„*стенъ*,“ отвѣчаетъ *Вавила*:

„кротость, чистота, дружелюбіе „суть дары, Небомъ на него изліянные; но не рѣдко въ неистовомъ „порывѣ страстей лютостію и „местію превосходитъ львовъ и „тигровъ.“

Отъ сихъ словъ Нумеріянъ снова яростію возгарается; онъ повелѣваетъ обременить *Вавилу* тяжкими веригами. Злодѣй отъ одного злодѣянія всегда влечется къ другому; теченіе его есть путь смрада и гибели для человѣчества. Къ истязаніямъ *Вавилы* Нумеріянъ сопричащаетъ трехъ отроковъ, *Урвана*, *Прилидіана* и *Аполлонія*, воспитанныхъ духовною пищею благочестиваго пастыря. „Чіи суть дѣти отроки сіи?“ вопрошаетъ мучитель. „Мои,“ отвѣчаетъ *Вавила*: „ихъ породилъ я благовѣствованіемъ, воскормилъ поученіемъ, возрастилъ „наказаніемъ.“

Василя ввергается въ темницу; Нумеріянъ мнитъ, что въ описуемыи наставника вострепещутъ питомцы. Нѣтъ! душа великаго мужа, воспламеняющая собою души его ревнителей, всегда въ нихъ и съ ними. Отроки отвѣчаютъ Нумеріяну: „Такъ, и матерь и отца зримъ мы въ *Василѣ*; онъ дороже намъ матери: „онъ возрастилъ наши души.“ Мать сихъ отроковъ то же подтверждаетъ. „Я“ говоритъ она: „я принесла сіи начатки моихъ „болѣзней въ даръ Богу; премудрый *Василя* озарилъ ихъ Его „благостію: онъ имъ и матерь и „отецъ.“

Смягчается ли тиранъ видомъ невинности, видомъ материнскаго великодушія? Тиранъ! . . . онъ повелѣваетъ ее бить по ланитамъ. Какое зрѣлище для чадъ ея! какое удивленіе для непорочныхъ питомцовъ *Василы!* „Уже ли,“ восклица-

ютъ они со скорбію: „уже ли ис-
„тина достойна сего воздаянія?“

Отроки неопытные! награда истинѣ въ небесахъ; а здѣсь за многотрудные ея подвиги предстоятъ ей часто поруганія, гоненія, муки, казни, смерть! Но есть безсмертіе, есть вѣчность, есть Судія - Отецъ.

Отдаливъ матерь отроковъ и разославъ порознь чадъ ея, тиранъ снова призываетъ *Вавилу*. „Дѣти твои,“ говоритъ онъ ему: „богамъ моимъ поклонились.“ — „Не вѣрю,“ возражаетъ *Вавила*: „въ нихъ душа моя — съ ними „Вѣра, Богъ и надежда.“ — Къ нанесенію лютѣйшаго удара боговдохновенному наставнику, Нумеріянъ осуждаетъ питомцовъ его на жестокія муки, на медленныя смертныя казни, и велитъ, да совершаются онѣ въ присутствіи *Вавилы*.

Чувствительность, даръ небесный, неразлучная спутница добродѣтели! животворимый пробою въ послѣдній часъ жизни своей учитель, другъ отроковъ, взводитъ очи въ горняя; онъ молитъ не о себѣ, молитъ о друзьяхъ, о чадахъ своего сердца. И что же слышитъ отъ нихъ? „О „наставникъ нашъ!“ вѣщаютъ они: „мы умремъ съ именемъ твоимъ и „съ именемъ Бога!“ — Уже пролилась кровь невинныхъ отроковъ; убійственное остріе возносится на *Давилу*. „*Обратися душа моя въ покой!*“ возглашаетъ онъ съ Давидомъ, и отходитъ въ лоно Отца небеснаго. —

ПОВѢСТВОВАНІЕ ИЗЪ КНИГЪ ДУХОВНЫХЪ.

А Н Ѳ И М Ъ,

и л и

ТОРЖЕСТВО ВѢРЫ, ДОБРОДѢТЕЛИ И ДРУЖБЫ.

Съ какимъ веселіемъ сердечнымъ можемъ изрѣчь, что міръ, столь часто гонящій добродѣтель, былъ справедливъ къ *Аѳиму!* По смерти *Кирилловой* вступилъ онъ въ управленіе *церкви Никомидской.* Укротилось злочестіе, восторжествовали Вѣра и добродѣтель; ибо добродѣтель и благочестіе вступили на престолъ.

Блаженна страна, подъ сѣнію ихъ покоющаяся; правота и счастіе водворяются въ ея предѣлахъ.

Ополчатся̀ль на нее насиліе, злодѣйство, клевета и злочестіе, — глава ея первый устремится къ отраженію ихъ стрѣлъ. Вождь-отецъ не оставитъ чадъ своихъ; въ грозные дни злополучія сердце его болѣе къ нимъ приближается.

Что есть сія плачевная юдоль праха? Смѣшеніе тьмы и свѣта. Въ то время, когда въ образѣ *Анѳима* добродѣтель управляла *Никомидіей*, въ то самое время вѣнценосные враги Христіянства, *Діоклитіанъ* и *Максиміанъ*, въ лицѣ своемъ являли насиліе, враждующее невинности.

„Друзья!“ вѣщаетъ *Анѳимъ* къ страдальцамъ за Вѣру: „нам̀ъ „ли изнемогать подъ бременемъ „мукъ, преносимыхъ для Бога, для „Сына Его, для Того, Кто кровію „своей запечатлѣлъ благоденствіе „вселенной? Мужайтесь! награда „наша въ небесахъ. *Умремъ вре-„менно, да живи будемъ вѣчно.*“

Уже хартія, осуждающая Христіянъ на казнь, пригвождается на лобномъ мѣстѣ. Одинъ изъ ревнителей и друзей *Апеллія* срываетъ ее со стѣны, велегласно укоряетъ злочестіе, и первый пріемлетъ вѣнецъ мученическій, вѣнецъ безсмертія.

Отъ злонамѣренія ли язычниковъ, или какого нечаяннаго случая, сгорѣла большая часть палатъ Царскихъ. Соцарствующіе Кесари, обманутые клеветою на Христіянъ, осуждаютъ ихъ на люттѣйшія муки; мечь и огнь на нихъ вооружаются. Славно умирать за истину; невинность безстрашно идетъ на казни и на смерть. Кто утѣшитъ ее, кто ее подкрѣпитъ? . . . Гласъ пастыря, готоваго положить жизнь свою за паству, но который, по особенному опредѣленію вышнихъ Судебъ, тогда скрывался.

Отсутствующій *Аѳиимъ* обиталъ душою въ темницахъ страдальцевъ: сердца ихъ услаждались и подкрѣплялись частыми его писаніями.

Примѣръ и добродѣтели вождей суть свѣтила для подчиненныхъ; сіяніемъ ихъ дѣлъ руководствуются они въ темныхъ путяхъ жизни.

Военнослужитель *Зинонъ*, животворясь примѣромъ *Аѳиима*, торжественно обличаетъ *Максиміана* въ злочестіи и слѣпотѣ его. „Тщетно,“ вѣщаетъ онъ ему: „тщетно возжигаешь ты „жертвы во храмѣ Цереры; въ спѣ„нахъ его сооруженъ олтарь обма„ну и злочестію. Познай Бога „вселенной, Бога, Христіанами ис„повѣдуемаго; познай Его слѣды „въ обширномъ мірозданіи; познай „Его по мужественному подвигу „чадъ Его, съ веселіемъ къ Нему

„отходящихъ и безстрашно вѣща-
„ющихъ истину грознымъ Влады-
„камъ земли!“

Слова сіи произнесены были *Зиноновъ* во время празднества, совершаемаго въ честь *Цереры*. По мановенію *Максиміана* убиваютъ *Зинона* каменіемъ.

Между тѣмъ скрывающійся *Аноимъ* отправляетъ съ письмами *Феофила* къ *Дорофею*, заключенному въ темницѣ, и ко всѣмъ сотовариществующимъ ему Христіянамъ. *Феофилъ* остановленъ, ввѣренныя ему письма представляются *Максиміану*. Мучитель называетъ обольщеніемъ увѣщанія въ благочестіи, въ терпѣніи, въ упованіи на Бога! Онъ правъ: добродѣтель есть люттѣйшая укора злодѣйству.

Дорофей и товарищи его призываются изъ темницъ. Слезы ра-

достя текутъ изъ очей ихъ при слышаніи наставленій ихъ пастыря, ихъ друга, ихъ сострадальца, ихъ отца. Тщетно угрожаетъ тиранъ *Ѳеофилу* орудіями пытки, естьли онъ не объявитъ о убѣжищѣ *Аѳоимовомъ*; великій духъ заранѣе приготовляется къ угрозамъ мучительства. „Ты узнаешь объ „немъ," вѣщаетъ *Ѳеофилъ*: „но „не отъ меня; ты увидишь его „нѣкогда: ибо добродѣтель сіяетъ „изъ мрака пустыни, и вѣсть о „ней гремитъ изъ дебрей безмолв„ныхъ."

Ѳеофилъ, *Дороѳей* и множество ревнителей *Аѳоима* пріемлютъ мученическій вѣнецъ. Смерть праведника есть стезя въ небеса; жизнь злодѣя есть для него преждевременная казнь ада.

Наступаетъ часъ успокоенія для страждущаго *Аѳоима*, страждущаго не отъ ожиданія мукъ, но

отъ напастей, поражавшихъ его паству. Объясняется тайна Небесъ. Для подкрѣпленія невинности среди бурь, среди истязаній, повелѣвали онѣ укрываться *Анѳиму*. Онъ долженъ послѣдній вкусить смерть, пріявъ сперва въ душу свою всѣ стоны, всѣ горести друзей и чадъ своихъ.

Воины *Максиміановы* приходятъ въ *весь Симанскую;* они ищутъ *Анѳима. Анѳимъ* пріемлетъ ихъ дружелюбно, угощаетъ трапезою, и потомъ открываетъ санъ и имя свое. Пораженные небеснымъ его видомъ, воины умоляютъ его, да бѣжитъ онъ изъ *веси Симанской;* увѣряютъ, что *Максиміанъ* никогда объ немъ не узнаетъ; они скажутъ ему, что тщетно его искали.

Правота гнушается ложью даже и самою невинною: *Анѳимъ* отринулъ ее. Сей подвигъ, сія твердость духа, привлекаютъ воиновъ къ Богу и Вѣрѣ. О добродѣ-

тель! каждый твой шагъ на земли означается новымъ благомъ для человѣчества!

Анѳимъ предсталъ предъ лице *Максиміана*. Какія казни, какія терзанія устремились на друга и утѣшителя спрадальцевъ! „Не „упомляйся въ ярости своей,“ вѣщаетъ онъ Максиміану: „твой „гнѣвъ расторгнетъ тяготу зем„ныхъ оковъ и ускоритъ путь „мой къ небесамъ. Мучитель! въ „сихъ казняхъ, въ сихъ мукахъ, „уготовляешь ты мнѣ жизнь и сча„стіе. Совершай послѣдній ударъ: „съ какою радостію поспѣшу я ту„да, гдѣ друзья и дѣти мои, гдѣ „встрѣчусь съ ними предъ лицемъ „Бога!“

Мучитель, утомленный изобрѣтеніемъ казней, прибѣгаетъ къ ласкательству. Къ погубленію невинности и добродѣтели коварство пріемлетъ всѣ виды. Но и сіе искушеніе безуспѣшно. *Анѳимъ* ввергается къ темницу, или, лучше

сказать, преходитъ къ новому торжеству. Язычники, нечестіемъ отягченные, язычники, за преступленіе тамъ содержавшіеся, внемлютъ гласу Вѣры, внемлютъ *Аѳиму*. Мракъ темницы озаряется свѣтомъ Благодати.

Вѣсть о семъ доходитъ до тирана. Какое лютое для него истязаніе! „Да погибнетъ *Аѳимъ*!“ восклицаетъ онъ въ изступленіи неистовства, — и глава праведника упадаетъ подъ смертоносною сѣкирою.

Въ пятый день *Сентября* отошелъ *Аѳимъ* отъ краткихъ мукъ къ нескончаемымъ радостямъ.

„Умремъ временно, да живи будемъ вѣчно!“

Пастырь чадолюбивый, другъ страждущихъ и добродѣтели! ты предрекъ великій свой жребій.

Воозъ и Руфь

Или награжденная привязонность къ родству

Кн. 2. Ст. 43.

СИЛА РОДСТВА,

или

НАГРАЖДЕННАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Въ правленіе судей Израильскихъ голодъ поразилъ области Израильскія. Елимелехъ, принадлежавшій къ колѣну Іуды, удалился въ страну Моавискую съ Ноеминою женою своей и двумя сынами Маллономъ и Хелеономъ. По смерти сыны его вступили въ бракъ съ дочерьми Моавльскими. Первая называлась Орфою, вторая Руфою. Спустя десять лѣтъ, мужья ихъ умерли. Злополучныя вдовы остались бездѣтны. Ноеминь, свекровь ихъ, всего лишенная, рѣшилась возвратиться на родину свою.

Къ странѣ родной, къ странѣ, гдѣ мы узрѣли свѣтъ,
Невольно чувствіе насъ завсегда влечетъ.
Несчастна *Ноеминь*, всего уже лишенна,
Была еще одной любовью подкрѣпленна:
Любовью къ родинѣ. Рѣчь обратя къ снохамъ,
Она вѣщала имъ: „Всѣхъ благъ желаю вамъ:
„Въ родной странѣ своей благополучны будьте
„И злополучную свекровь свою забудьте.“
Снохи, сраженныя печальной рѣчью сей,
Въ слезахъ и въ горести такъ отвѣчали ей:
„Не можемъ безъ тебя мы быть благополучны;
„Желаемъ быть съ тобой до гроба неразлучны.“
„Нѣтъ, нѣтъ! останьтесь здѣсь; что сдѣлаю для васъ?“
Сказала Ноеминь: „Богъ разлучаетъ насъ.
„И молодость моя и счастье пролетѣло,
„И сердце для всего мое осиротѣло.

„Цвѣтите вы еще весною лѣтъ своихъ;
„Супруговъ вы себѣ найдете здѣсь другихъ.
„Улыбкою дѣтей, ихъ лаской наслаждайтесь;
„Я жертва горести, — меня вы удаляйтесь.“
Снохи взрыдали вновь; но *Орфа* отошла:
Не такъ привержена къ родной она была;
А *Руфь* для родственной любви все позабыла.
„О матерь нѣжная!“ свекрови говорила:
„Твой Богъ — мой также Богъ; гдѣ кончишь жизнь свою,
„Пускай мракъ гробовой тамъ скроетъ жизнь мою!“

Ужь *Виѳлеема* Руфь съ свекровью достигаютъ;
Толпы народа къ нимъ на встрѣчу поспѣшаютъ.
Несчастна Ноеминь, стремленье видя ихъ,
Печально говоритъ: „Что зрѣть въ чертахъ моихъ

„Желаете теперь? Не *Ноемин* я
звала;
„Я *Марою* себя давно уже назвала (*).
„Въ странѣ отеческой, при взорахъ
милыхъ чадъ,
„Питаясь сладостью семейственныхъ
отрадъ,
„Душою и лицемъ въ весельи разцвѣтаемъ;
„На сторонѣ чужой скорбимъ и увядаемъ.“

И *Руфь* и *Ноемин*ь, лишенныя всего,
Отрады ждали — лишь отъ Бога одного.
Намъ помышленья Богъ благія посылаетъ.
„Любезна Руфь!“ свекровь ей горестна вѣщаетъ:
„*Воозъ*, извѣстный всѣмъ богатствомъ и душой,
„По мужу моему давно въ родствѣ со мной.
„Мы нищи лишены; поди къ нему на поле,

(*) На Еврейскомъ языкѣ *Ноемин*ъ значитъ *прекрасная*; а *Мара* значитъ *горькая, печальная.*

„Поможетъ онъ тебѣ въ печальной
нашей долѣ.“

Едва прелестна *Руфь* явилася къ
жнецамъ,
Столѣтній къ ней *Воозъ* спѣшитъ на
встрѣчу самъ.
Невинность скромная всѣ души по-
бѣждаетъ.
Воозъ зоветъ жнецовъ и имъ повелѣ-
ваетъ,
Чтобъ *Руфѣ* нужную для дома пищу
дать,
И благосклонность ей всеобщу изъ-
являть.
Передъ Воозомъ Руфь колѣна прекло-
нила.
„Чѣмъ я пріязнь твою и ласку за-
служила?“
Руфь скромна говоритъ. Воозъ ей
отвѣчалъ:
„Всѣ лучшіе дары тебѣ Творецъ по-
слалъ:
„Внимательною ты была супругой,
вѣрной,
„Снохою ты теперь являешься при-
мѣрной.
„Ты все оставила для матери вто-
рой,

„Отеческихъ боговъ и свой предѣлъ родной;
„Богъ, Богъ Израилевъ тебѣ подастъ отраду:
„За добродѣтели Онъ шлетъ съ небесъ награду.“

Такъ говорилъ *Воозъ*, и вскорѣ, чтя законъ,
Вступилъ въ супружество съ прекрасной Руфой онъ.
Ихъ сынъ былъ прадѣдомъ вѣнчаннаго Пророка.
Съ терпѣніемъ снося превратности всѣ рока,
За добродѣтели, за родственну любовь
Всѣ счастія дары *Руфь* получила вновь.

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

NO 2.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ТОРОПИТЕСЬ ДѢЛАТЬ ДОБРО,

или

СУВОРОВЪ ПОДЪ ВАРШАВОЮ.

Драммапическій анекдотъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СУВОРОВЪ *(сидитъ на деревянномъ отрубкѣ).*

Тройные Прагскіе окопы низложились,
Отважны воины орлами всѣ спремились,
На блещущихъ штыкахъ неся и смерть и страхъ;
Кипѣла мужествомъ душа въ богатыряхъ.
Ихъ Вѣра, вѣрность ихъ ни въ чемъ не зрятъ преграды;

Имъ слово Мамушки душевной верьхъ награды;
Ихъ грудью сокрушенъ былъ гордый Измаилъ:
Ни что не испощитъ ихъ богатырскихъ силъ.
Но въ сердцѣ я своемъ невольно возмущаюсь,
О пораженныхъ я душевно сокрушаюсь.
Ахъ! слава лучшая — щадить и подкрѣплять;
Но надлежало намъ оружьемъ поражать.
Развратъ, воспитанный Французскими умами,
Въ предѣлы Польши впекъ открытыми путями,
Всеобщій воспылать готовъ ужь былъ пожаръ;
Я долженъ былъ нанесть рѣшительный ударъ.
Когдабъ мы медлили, Державыбъ раздѣлились,
Коварство, происки на годы бы продлились.

(За театромъ слышны звуки трубъ.)

О радостнѣйшій звукъ! ужель посолъ идетъ,
И о Варшавѣ мнѣ вѣсть мирную несетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

СУВОРОВЪ и ПОСОЛЪ ВАРШАВСКІЙ.

СУВОРОВЪ (*увидя Посла, бѣжитъ съ распростертыми руками, заключаетъ его въ объятія и восклицаетъ*):

Покой! покой и миръ! Да здравствуетъ Варшава!

ПОСОЛЪ.

Екатеринина вездѣ гремяща слава,
Оружія Ея побѣдоносный звукъ,
Оружіе у насъ исторгли днесь изъ рукъ.
Варшава тишины, спокойствія желаетъ,
И чрезъ меня ключи Герою поручаетъ.

СУВОРОВЪ *(приняв ключи, повергается на колѣни и приподнимаетъ ключи къ небу).*

О Боже, видящій всю глубину сердецъ,
Поборникъ правоты, Защитникъ и Отецъ!
Сердечное мое прими благодаренье:
Спѣнамъ Варшавскимъ Ты послалъ успокоенье.
Лью слезы сладкія: Ты жертву зришь мою.
Отеческую длань лобзаю я Твою!

(Встаетъ и говоритъ послу)

Лети, пари орломъ, вѣщай, гласи Варшавѣ,
Что счастье первое въ миролюбивой славѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СУВОРОВЪ *(одинъ).*

Пощада! миръ! покой! Божественны слова!
Пустой предъ вами звукъ гремящая молва.

Какъ рабъ Отечества — ему жизнь
посвящаю ;
Какъ другъ людей — добра всѣмъ лю-
дямъ я желаю.
Ахъ! лучше въ хижинѣ, въ безвѣстьи
лучше жить,
Чѣмъ человѣчеству напрасно зло тво-
рить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СУВОРОВЪ и ТРОФИМЪ (*).

ТРОФИМЪ.

Страдалецъ спрашивалъ, не льзя
ли видѣть васъ ?

СУВОРОВЪ.

Страдалецъ! . . . Поспѣши ; вели
войти сей часъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

СУВОРОВЪ *(одинъ)*.

Варшавѣ Богъ послалъ спокойствіе,
спасенье ;
Пусть въ первое сіе торжественно
мгновенье

(*) Имя слуги Суворова, названнаго оберега-
телемъ его здоровья.

Мнѣ Провидѣніе дастъ слезы отереть,
И злополучнаго опять счастливымъ зрѣть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СУВОРОВЪ и ВАЛРАНДЪ.

СУВОРОВЪ.

Кто вы?

ВАЛРАНДЪ.

Валрандъ!

СУВОРОВЪ.

Валрандъ! о Провидѣнье!
Какое подаешь въ сей день мнѣ награжденье!

ВАЛРАНДЪ.

Предчувствіемъ моимъ я не обманутъ былъ;
Спасителемъ моимъ Героя въ мысляхъ чтилъ.

СУВОРОВЪ.

Насъ Богъ спасаетъ всѣхъ, а мы — лишь помогаемъ.

ВАЛРАНДЪ.

По справедливости судомъ я обви-
няемъ.

СУВОРОВЪ.

Не можетъ Матушка напрасно на-
казать;
Но средство намъ даетъ преступни-
ковъ спасать.

ВАЛРАНДЪ.

За ослушаніе чиновъ я всѣхъ ли-
шился,
И изъ начальниковъ матросомъ учи-
нился;
Могу ли быть спасенъ?

СУВОРОВЪ.

Кругъ, славный побѣдитель,
Твой родственникъ, твой другъ, —
Онъ будетъ твой спаситель.
Пылая мужествомъ среди морскихъ
валовъ,
На Белтѣ онъ смирилъ и отразилъ
враговъ.
Ты мужъ его сестры: ура! ура! Богъ
съ нами;
Владѣетъ Матушка надъ нашими
сердцами.

Прославленъ ею я для ней; для ней дышу,
И о страдальцѣ я къ Царицѣ напишу.

(Беретъ карандашъ, вынимаетъ изъ записной книжки листъ бумаги и пишетъ. Потомъ, отдавая письмо, говоритъ):

Вотъ что написано; вы сами прочитайте,
И милость Матушки заранѣ прославляйте.

ВАЛРАНДЪ *(беретъ письмо и читаетъ).*

„Я знаю, что Всемилостивѣйшая Государыня наградитъ меня. „Но величайшею наградою почту „я себѣ, естьли Она возвратитъ „чинъ Капитана перваго ранга „разжалованному вѣчно въ матросы *Валранду*, мужу сестры „храбраго Адмирала Круза."

(Валрандъ, прочитавъ письмо, упадаетъ на колѣни).

Герой! въ восторгѣ я стремлюсь къ
твоимъ ногамъ;
Ты славенъ по своимъ безсмертнымъ
сталъ дѣламъ,
И добродѣтелью навѣкъ ты увѣн-
чался. . . .

СУВОРОВЪ *(отираетъ слезы и приподнимаетъ Валранда.)*

Валрандъ! Валрандъ! давно я такъ
не наслаждался!
Веселье первое — добро другимъ твo-
рить,
Намъ въ краткой жизни сей къ добру
должно спѣшить:
Такъ! надобно въ добрѣ всегда намъ
торопиться;
Не вѣдаетъ никто, что можетъ съ
нимъ случиться;
Какъ быстротечный лучь жизнь мо-
жетъ пролетѣть. . .

ВАЛРАНДЪ.

Въ Героѣ Ангела какъ сладостно
намъ зрѣть!

СУВОРОВЪ.

Спѣши въ объятія любезнаго семей-
ства,
Спѣши, и съ нимъ забудь всѣ пре-
терпѣнны бѣдства.

Супругу поцѣлуй, всѣхъ расцѣлуй дѣтей,
И милость Божію неси въ душѣ своей.
Спѣши! имъ жизнь отдасть отцовско возвращенье. . .

ВАЛРАНДЪ *(стремительно цѣлуетъ руку Суворова).*

Спѣшу, несу въ душѣ восторгъ и оживленье!

Рѣчь того, кто представляетъ лице Суворова.

Здѣсь тѣнь Суворова представлена одна;
Но славою его вселенная полна.
Оружьемъ побѣждалъ, онъ побѣждалъ душою,
И благости примѣръ во всемъ являлъ собою.
Еще онъ и теперь сердцамъ всѣмъ говоритъ:
„Зло должно отлагать; въ дѣлахъ добра спѣшить.“

СТИХИ

И. И. ДМИТРІЕВУ, ПО СЛУЧАЮ БЛАГОСКЛОННОЙ ЕГО ПОДПИСКИ НА РУСКУЮ МОЮ ИСТОРІЮ.

Безсмертье заслужа безсмертными стихами,
Владычествовать ты умѣешь надъ сердцами.
Успѣхамъ каждаго содѣйствовать ты радъ:
Мнѣ мнѣніе твое дороже всѣхъ наградъ.
Исторіи моей ты Руской ожидаешь;
Она передъ тобой. . . Ты трудъ мой одобряешь,
И новый тѣмъ залогъ мнѣ въ сердцѣ поселилъ.
Міръ историческій давно меня забылъ,
А я Исторію и самъ позабываю,
Трудамъ учебнымъ я все время посвящаю;

Съ Донцами милыми питомцемъ
сталъ я самъ (*):
Мнѣ нѣкогда теперь умъ устремлять
къ вѣкамъ.
Тропинкой тихою, путемъ трудовъ,
заботы,
Всегда перехожу къ работѣ отъ ра-
боты:
О славѣ не могу и не хочу мечтать;
Но славу я другихъ умѣю уважать.

10 Января 1820 года.

Москва.

(*) Я уже писалъ, что въ семействѣ моемъ воспитываются Донскіе юноши.

НАЧЕРТАНІЕ ЖИЗНИ И ДѢЯНІЙ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА.

Г. С. . ., усердствующій въ изданіи полезныхъ книгъ, подарилъ насъ и симъ новымъ сочиненіемъ, доказывающимъ благородное его стремленіе къ пользѣ отечественной. Краткимъ начертаніемъ жизни незабвеннаго Пастыря Церкви Россійксой украшался уже Руской Вѣстникъ. При одномъ наименованіи Платона сколько возбуждается въ умѣ великихъ воспоминаній! Онъ былъ современникомъ и изъяснителемъ Руской славы, озарившей Россію въ царствованіе Екатерины; голосъ его гремѣлъ у гроба Петра Перваго, когда Наслѣдница его дѣлъ повергла къ стопамъ его первое побѣдоносное

знаменіе, взятое на водахъ моря Средиземнаго. Пастырскія поученія Платона никогда не умолкнутъ ни въ слухѣ, ни въ сердцахъ, хотя они и не одушевляются уже голосомъ, проницавшимъ въ души и сердца. Ясность слога и чистота священной и духовной нравственности составляютъ неотъемлемое ихъ достоинство. Но съ какою силою раздавался голосъ Платона въ священныхъ стѣнахъ храма Божія при вѣнчаніи на Царство АЛЕКСАНДРА Перваго! Какою разительною кистію изобразилъ онъ трудности, сопровождающія верховный санъ! Какъ Служитель Бога истины и правды, онъ не усумнился въ часы торжества напомнить и о заботахъ, сопряженныхъ со всякимъ человѣческимъ жребіемъ.

„Многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія“ вѣщалъ Платонъ: „усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

„Вселюбезнѣйшій Государь! Сей Вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей Скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія Держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія Порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

„Бремя по истинѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная: и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. — Узриши сходящія съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. — Узриши въ лицѣ благаго Бога сходя-

щее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо Престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, стѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отрѣши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную Державу. — Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и произхожденій: взирай, возопіетъ, общій Отецъ! на права человѣчества. Мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ угнѣснитель человѣчества, и подымающій себя выше предѣловъ его. — Наконецъ, благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная во одежду, обагренную кровію едино-

роднаго Сына Божія. Сія Августѣйшая дщерь Неба, хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его: но и къ Тебѣ, благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному Сыну Своему, простретъ свои руки, и ими обѣявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ: да сохраниши не для Себя токмо; но паче да явиши Собою примѣръ благочестія: и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

„Но съ Ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ Престола Твоего пресмыкаться и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ злымъ порожденіемъ; и дерзнутъ подумать, что, аки бы подъ видомъ раболѣпности, можно

имъ возобладать Твоею прозорливостію. — Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. — Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ, и къ пожертвованію всего единой плоти и крови, въ праздности и суетѣ.

„При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина, и правда, и мудрость, и благочестіе, и будутъ, охраняя Державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить, до воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и разточатся врази Твои.“

Доколѣ на лицѣ земли не умолкнетъ Руское слово, дотолѣ сія рѣчь безсмертнаго Пастыря будетъ въ числѣ превосходнѣйшихъ образцевъ отечественнаго нашего краснорѣчія.

11 Февраля 1820 года.

Москва.

НА СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА РОМАНА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО (*).

Еще ударъ судьбы жестокой,
Еще ударъ душѣ глубокой (**)!
Давно ли я тебѣ внималъ,
Давноль съ тобою разсуждалъ,
Наставникъ, другъ мой незабвенный,
Добра, другъ истины священной?
И ты ужь прахъ! тебя ужь нѣтъ!
Какъ рано жизни свѣтъ померкълъ! —

(*) Сей ученый мужъ, по кратковременной болѣзни, скончался 16 Января сего года. Университетскіе питомцы, одушевленные чувствомъ благодарности къ почтенному наставнику своему, несли гробъ его на себѣ до самаго Лазарева кладбища.

(**) Сочинитель недавно лишился почтеннаго друга своего и благодѣтеля Д. И. Вельяшева-В.

Земныхъ лишенный наслажденій,
Скончалъ свой вѣкъ среди мученій.
И какъ орагай утомленный,
Въ пріютну сѣнь древесъ склоненный,
Въ трудахъ своихъ уснулъ, почилъ —
И вопль друзей не пробудилъ! —
И гдѣ сокровища познаній,
Обильный плодъ твоихъ стяжаній?
Все перстный прахъ, могильный плѣнъ,
Все алчна гроба вѣчный плѣнъ.
Такъ! все изчезнетъ, все падетъ,
Одно добро безсмертно, умъ живетъ, —
Живетъ и въ памяти пребудетъ;
Добра потомство не забудетъ.
Наставникъ! съ нами геній твой —
Тебѣ сонъ смерти есть покой!
Вся жизнь твоя была ученье,
Младымъ примѣръ и наставленье;
Ты велъ ихъ истины стезей,
Желалъ имъ счастья мирныхъ дней;
Завѣсу древности искрывая,
Въ святилищель души вникая,
Мудрецъ, наставникъ добрый былъ,
Училъ какъ мыслилъ, такъ и жилъ,
Душею нѣжной одаренный,
Умомъ былъ, сердцемъ просвѣщенный;
Въ твоихъ дѣлахъ блеститъ твой духъ,
Наукъ, Отчизны вѣрный другъ.

Весны я пѣснью пробужденный,
Пойду на гробъ твой мнѣ священный —
И тамъ безсмертью научусь,
И тамъ съ собою примирюсь!
Обитель смерти, разрушенья
Мнѣ будетъ въ жизни поученье.

Ученикъ Тимковскаго.

ОПЫТЫ
СЛОВЕСНОСТИ

Владиміра Измайлова, въ 8 Частяхъ.

Въ 1 Части будутъ содержаться: Стихотворенія. — Во 2 и 3 Ч. Путешествіе въ Полуденную Россію. — Въ 4 и 5 Ч. Повѣсти: Ростовское озеро; Молодый философъ; Обѣ школы, или свѣтъ и уединеніе; Сироты въ Малороссіи; Противорѣчія отъ согласія; Невидимка, или таинственная женщина; Любовь и добродѣтель. — Въ 6 и 7 Час. Московскій Бродяга или нѣкоторыя черты нравовъ, и вѣка: первая статья, портретъ Бродяги; вторая, суевѣріе нашего вѣка; третья, городскія вѣсти; четвертая, люди въ безпрестанномъ вихрѣ; пятая, влюбчивость; шестая,

весельчакъ съ обезьяной; седьмая, письмо къ Бродягѣ; восьмая, летучіе листочки или записки свѣтской дамы; девятая, литературная новость; десятая, судъ на Олимпѣ или ссора боговъ за Славянъ и Галловъ въ 1812 году; одиннадцатая, замѣчанія о нашихъ обстоятельствахъ по изгнаніи непріятеля. — Въ 8 Ч. Смѣсь: Письмо о новой Элоизѣ; Естественная наука въ ея нравственномъ отношеніи; о жизни и сочиненіяхъ В. С. Подшивалова; Религія и Философія; Волжанинъ; взглядъ на истинное достоинство писателя; два друга, анекдотъ.

Подписная цѣна 8 Частямъ, на хорошей бумагѣ, въ Москвѣ 30 р., а въ другихъ городахъ 35 р. Подписка по коммисіи принимается въ Москвѣ и въ Петербургѣ у книгопродавцевъ Свѣшниковыхъ. Иногородные могутъ адресовать ихъ письма и требованія въ Москву на имя Сочинителя; имена подписавшихся Особъ будутъ припечатаны.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

У коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева, въ книжныхъ лавкахъ, въ Университетской, состоящей въ домѣ Типографіи, и на Ильинкѣ, въ домѣ Троицкаго подворья, принимается подписка на вновь издаваемую книгу, подъ названіемъ: *Избранныя сочиненія Госпожи де ла Мотъ-Гіонъ, или истолкованія ея на Дѣянія и Посланія Апостольскія съ изъясненіями и размышленіями, руководствующими ко внутренней жизни;* переводъ съ Французскаго.

Всякой просвѣщенный Христіанинъ безъ сомнѣнія знаетъ, что Святое Писаніе, кромѣ буквальнаго смысла, имѣетъ смыслъ таинственный или духовный, и смыслъ не просто нравственный или поучительный, но духъ Писанія внутренній и животворный, сообщающій

духъ и жизнь тому, кто, читая Св. Писаніе, проникаетъ въ оный, и въ тожъ время самъ имъ проникаемъ; духъ Писанія внутренній, безъ коего никто и никогда не можетъ понять всей силы Писанія: *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть.* Въ наши времена всѣмъ предложено сіе Божественное Писаніе; но не всякой читающій можетъ постигнуть внутренній духъ, въ немъ заключающійся. Вотъ книга, въ которой открытъ глубокій и таинственный смыслъ онаго. Знаменитая Сочинительница столь хорошо изъяснила духъ Апостольскихъ Посланій, что все глубокое, таинственное и *неудобь разумное* изложено въ ней съ такою простотою, ясностію и вразумительностію, что самыя высочайшія Христіанскія истины представляются здѣсь простыми и удобопонятными. Христіанинъ, ищущій спасенія, найдетъ въ ней живое начертаніе,

въ коемъ ясно увидитъ все, что онъ сдѣлалъ, и что еще дѣлать ему должно. Къ вѣчной славѣ Сочинительницы весьма служитъ и то, что многіе изъ знаменитыхъ Христіанскихъ мужей въ сочиненіяхъ ея почерпали себѣ и наставленіе къ чтенію Св. Писанія, и руководство во внутренней жизни. — При преложеніи оной на Россійскій языкъ особенное употреблено было стараніе содѣлать по возможности переводъ чистымъ и яснымъ, ни мало не отступая отъ подлинника, дабы не утратить цѣлости и не измѣнить достоинства онаго. Книга сія состоять будетъ въ трехъ отдѣльныхъ Частяхъ. Цѣна за всѣ три въ бумажкѣ 25 руб. Иногородныя Особы сверьхъ сего прилагаютъ за 5 ф. При подпискѣ выдается билетъ.

Переводчикъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ О ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ НОВАГО ПАНТЕОНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

издаваемаго П. В. Побѣдоносцевымъ.

Къ удовольствію любителей книгъ, отличающихся ясностью слога и чистою нравственностію, вполнѣ уже отпечатанъ *Новый Пантеонъ* отечественной и иностранной словесности. Четвертая Часть, равно, другимъ представляетъ уму пріятность и разнообразіе. Рѣчь о любви къ Отечеству ознаменована силою слога и одушевлена симъ животворящимъ чувствомъ. Сочинитель не упустилъ упомянуть и о 1812 году, когда Россія, подкрѣпляемая только Богомъ, Вѣрою и внутренними силами своими, вспрѣтила и отразила наше-

ствіе двадцати народовъ. Сей годъ незабвенный засвидѣтельствовалъ очевидно, что сила Россіи въ ней самой заключается.

Къ показанію слога Сочинителя Рѣчи о любви къ Отечеству, я предложу краткую изъ оной выписку: „1812й Годъ и слѣдующіе доказали“ говоритъ Сочинитель; „сколько Россіяне отличаются приверженностію къ Вѣрѣ, любовію къ Отечеству, вѣрностію къ Государю; сколько одушевляетъ ихъ духъ народной гордости, честь всему предпочитающій, ни одному изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ не уступающій въ желаніи украшаться собственными достоинствами, въ стремленіи ко всему великому и достопочтенному; доказали, сколь сильно дѣйствуетъ въ нихъ благородное надѣяніе на самихъ себя, согласіе умовъ и сердецъ, братское единодушіе и пламенное рвеніе съ каждымъ днемъ пріобрѣтать новыя

силы служить Отечеству, новыя средства содѣйствовать его благоденствію, новыя причины веселиться его славою.

„Отечество, коему угрожалъ властолюбецъ, поправшій священныя установленія Вѣры и права человѣчества, потребовало необыкновенныхъ пособій — и Россіяне съ радостію поспѣшили великодушными пожертвованіями содѣйствовать общему благу, оправдать довѣренность и надежду своего Государя. Отечество гласомъ нѣжной матери призывало Россіянъ ополчиться противу возмутителей общаго спокойствія, обнажить мечь на изтребленіе полчищъ высокомѣрнаго Корсиканца, коему пролитіе человѣческой крови и опустошеніе Государствъ казались забавою. Отечество воззвало — и Россія въ ратной станъ превратилась, плуги и серпы измѣнились въ оружія; и полетѣли Орлы, и запылала кровь,

и заревѣли громы на пораженіе сопостатовъ. Содержащій въ деснице Своей судьбу Царствъ и народовъ воззрѣлъ на насъ окомъ милосердія — и поблѣднѣла зависть, сраженная правотою; онѣмѣло коварство предъ истиною; притупилось жало пронырства твердостію духа; утихло дерзкое самохвалство отъ благороднаго честолюбія; издохла гидра злобы подъ пятою справедливости.

„Въ сіе время испытанія среди необозримыхъ полковъ Россійскихъ воскресли *Пожарскіе*, обуздавшіе дерзость, укротившіе бури, возстановители спокойствія; воскресли *Румянцовы*, съ малымъ числомъ ратниковъ побѣдившіе несчетные легіоны враговъ злоухищренныхъ; возстали *Репнины*, соединявшіе пылкость юношескихъ лѣтъ съ хладнокровіемъ старости, быстроту мужества съ опытностію прозорливости, мщеніе злобѣ съ любовію къ страждущему чело-

вѣчеству; явились Герои, созрѣвшіе въ училищѣ *Суворова*, вездѣ гремѣвшаго побѣдами, торжествовавшаго надъ ужасами грозной природы и злоумышленіями адскаго коварства; явились Герои, приобрѣтшіе опытность подъ руководствомъ *Князя Смоленскаго*, оспорившаго славу у того, котораго почитали завоевателемъ, приковавшимъ ее къ своимъ знаменамъ, смирившаго необузданность властолюбія, совершившаго избавленіе Россіи и Европы, а надъ тираномъ — праведный судъ Божій; явились Непобѣдимые, — и доказали, что научились благоговѣть къ Царю, спасать Отечество, мужаться въ бѣдствіяхъ и смиряться во славѣ. Гдѣ не были превозносимы доблести Россійскихъ Героевъ? гдѣ не гремѣло побѣдоносное ихъ оружіе? куда не достигла молва объ ихъ исполинскихъ подвигахъ, утвердившихъ благо не одной Россіи, но цѣлаго міра? Начиная отъ Византіи, гдѣ нѣкогда *Олеги*

усмирили дерзновенную гордость, до Парижа, подклонившаго выю свою къ стопамъ *Великаго* во Владыкахъ земныхъ, вездѣ воздвигнуты памятники храбрости, величію и славѣ неодолимыхъ сыновъ Сѣвера.

„Мы родились въ Россіи, осыпанной щедротами небесной благости, возвеличенной и превознесенной мудрыми Монархами, утвердившими ея счастіе на незыблемомъ основаніи. Обиліе, зрѣющее на поляхъ Украйны и Тавриды, на брегахъ Волги, Дона, Днѣпра и Дуная, предлагаетъ намъ сокровища неизтощимыя. Природа и искусство открываютъ для насъ всѣ источники жизненныхъ потребностей и роскоши; промышленность и торговля надѣляютъ насъ избытками странъ отдаленныхъ. Озера, рѣки и моря угощаютъ насъ неистощимыми дарами своими. Законы, внушенные человѣколюбіемъ, начертанные опытностію, ограждаютъ насъ отъ бурь политическихъ и нрав-

ственныхъ. Всѣ пути къ наукамъ и знаніямъ отверсты; всѣ способы пользоваться плодами трудовъ показаны. Всякое предпріятіе, къ общей пользѣ, народной чести и отечественной славѣ клонящееся, ободряется хвалою или наградою; всякая дерзость и несправедливость подвергается стыду или наказанію. Ревностные Начальники, достойные довѣренности Монаршей, не опускаютъ ничего, могущаго служить къ довольству, безопасности, свободѣ и спокойствію всѣхъ состояній, государственное семейство составляющихъ. Вотъ благодѣянія, коими имѣемъ счастіе пользоваться подъ правленіемъ свыше благословеннаго АЛЕКСАНДРА, украшеннаго кротостію и человѣколюбіемъ, ознаменовавшаго благополучное царствованіе Свое громкими побѣдами, мудрыми законами и благотворными учрежденіями.“

ОПЫТЪ
О ВРЕМЕСЧИСЛЕНІИ
В. Р. Штейнгейля.

О сей книгѣ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ упомянуто уже было съ должною похвалою. О книжкѣ, истинно достойной сего названія и притомъ ознаменованной основательною ученостію, не льзя говорить въ нѣсколькихъ строкахъ. За Сочинителями такихъ книгъ изслѣдователь долженъ переходить отъ одной статьи къ другой; наблюдать сцѣпленіе предложеній и общую связь понятій, на которыхъ Сочинитель основываетъ свои заключенія. Книга Барона В. Штейнгейля заслуживаетъ сего внимательнаго изслѣдованія; а притомъ она доказываетъ, что Сочинитель вмѣстѣ съ основательною ученостію соединяетъ вкусъ и разборчивость.

12 Февраля 1820 года.

Москва.

МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНІИ ПЕРВОЙ КНИЖКИ НОВАГО МАГАЗИНА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, ФИЗИКИ, ХИМІИ И СВѢДѢНІЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ, ИЗДАВАЕМАГО ИВАНОМЪ ДВИГУБСКИМЪ.

Труды И. А. Двигубскаго давно уже служатъ къ чести Московскаго Университета и споспѣшествуютъ къ пользѣ общественной распространеніемъ основательныхъ понятій о свѣдѣніяхъ, необходимыхъ для общежитія человѣческаго. Изданіе вышеупомянутаго ежемѣсячнаго сочиненія умножаетъ къ Издателю благодарность всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія. И такъ, не разпространяясь о извѣстныхъ заслугахъ И. А. Двигубскаго, я предложу нѣсколько мыслей *о пользѣ познанія природы.*

Легкомысліе человѣческое нерѣдко вооружалось противъ всего того, что служитъ къ пользѣ, къ отрадѣ и украшенію общества. Вѣра имѣла своихъ враговъ, и науки имѣли своихъ гонителей. Много писали о томъ и о другомъ; но ни одинъ безпристрастный наблюдатель общежитія человѣческаго не станетъ спорить, что полезныя и пріятныя свѣдѣнія необходимы для людей, живущихъ въ обществѣ. И можно ли возставать противъ того, что питаетъ душу, успокоиваетъ страсти и доставляетъ разуму удовольствія невинныя и безмятежныя? Сверхъ того, есть науки, которыя вмѣстѣ съ священною Вѣрою убѣждаютъ насъ въ бытіи Творца и Правителя вселенной. Основательное и благонамѣренное *познаніе природы* непосредственно къ сему руководствуетъ. Не только неусыпные испытатели природы, но и прав-

ственные писатели въ томъ согласуются.

„Когда мы разсматриваемъ красоту и велелѣпіе небесъ“ говоритъ *Цицеронъ*: „когда мы обозрѣваемъ перемѣну дней и ночей, переходы годовыхъ временъ; когда обращаемъ взоры на землю, населенную животными, изъ которыхъ однѣ служатъ къ питанію, а другія къ одеждѣ; изъ которыхъ однѣ перевозятъ тягости, а другія вспахиваютъ поля; наконецъ, когда видимъ человѣка, созданнаго для созерцанія небесъ и для благоговѣнія къ *богамъ*: разсматривая все сіе, можемъ ли не убѣдиться, что есть Правитель и Творецъ вселенной?“

Разсматриваніе природы не только ведетъ къ познанію Творца всего существующаго въ мірѣ, но еще доказываетъ, что ни что

не могло создаться случайно и само собою. Объясняясь о семъ, *Цицеронъ* говоритъ: „Не должно ли удивляться, что есть люди, мыслящіе, что нѣкоторыя твердыя и нераздѣльныя тѣла движутся сами собою посредствомъ собственной тягости своей и что отъ ихъ нечаяннаго соединенія составился великолѣпный міръ, нами видимый? Естьли стеченіе былинокъ или самомалѣйшихъ вещественныхъ частицъ можетъ *сдѣлать* міръ, то почему же не можетъ оно сдѣлать вещей гораздо обыкновеннѣйшихъ, на примѣръ: преддверія храма, сданія, города?“

Хотя остроумный и самолюбивый *Вольтеръ* въ порывахъ страстей своихъ иногда вооружался и на Вѣру и на Бога, но, возвращаясь къ основательному и здравому разсужденію, онъ убѣдительно утверждалъ, что міръ не могъ соз-

дается самъ собою и что есть премудрый Правитель вселенной. „Малѣйшее произрастѣніе“ говоритъ онъ: „смиряетъ умъ человѣческій. Всѣ люди соединенными силами не могутъ произвесть даже и соломенки, естьли зерна оной не было въ нѣдрахъ земли. Мы ничего не *дѣлаемъ*, мы ничего не можемъ *сдѣлать*. Мы можемъ устроивать, соединять, раздѣлять, исчислять, вѣсить, измѣрять; но *дѣлать!* . . . . Какое слово! Одно только Существо необходимое, Существо вѣчное, *дѣлаетъ*. Люди, ищущіе *философическаго камня*, или камня, претворяющаго въ золото мѣдь и желѣзо, сіи люди или обманщики, или безумцы. Они хотятъ *сотворить* золото, а не могутъ *сотворить* и грязи.“

Почтенный и ученый нашъ соотечественникъ И. А. *Двигуб-*

скій къ той же самой цѣли обращаетъ свои познанія, къ которой благонамѣренные Писатели всѣхъ вѣковъ старались устремлять умы человѣческіе. Онъ вездѣ убѣждаетъ, что разсматриваніе и познаніе природы являетъ новые и очевидные слѣды премудрости Творца вселенной. Къ подтвержденію сего и къ показанію яснаго и чистаго его слога предлагаю слѣдующій отрывокъ изъ первой его книжки:

„Родъ человѣческій, поставленный на театрѣ міра, среди безпрестанно перемѣняющихся явленій, одинъ только можетъ чувствовать красоту твореній, проникать въ тайны природы, удивляться чудеснымъ ея дѣйствіямъ и возноситъ мысли свои къ Творцу вселенныя съ благоговѣніемъ и благодарностію.

„Какое величественное зрѣлище представляетъ намъ природа! сколько наслажденій въ разсматриваніи

твореній ея! Но кто изобразитъ глазамъ нашимъ чудесную карпину міровъ, живопныхъ, растѣній и минераловъ? Кто откроетъ намъ тайныя пружины жизни? сіи способы безпрестаннаго рожденія, разрушенія и возобновленія на земли? Какая цѣль всѣхъ сихъ движеній во вселенной?

,,Когда небеса являются нашему зрѣнію, сколько милліоновъ звѣздъ усматриваемъ въ семъ неизмѣримомъ пространствѣ! Дневное свѣтило, подобно величественному исполину, окруженному своими чадами, сопутствуемое блистательнымъ сонмомъ планетъ, исходитъ въ путь свой, разливая повсюду свѣтъ и жизнь. Повѣшенное, подобно вѣчной лампадѣ, въ центрѣ нашей планетной системы, оно управляетъ, такъ сказать, движеніями планетъ, изъ которыхъ самыя большія и отдаленнѣйшія имѣютъ своихъ со-

путниковъ, обращающихся вокругъ нихъ, въ томъ же направленіи отъ запада къ востоку, въ которомъ движутся и самыя планеты. Всѣ онѣ движутся въ эллиптическихъ орбитахъ вокругъ неподвижнаго солнца, вращающагося только около своей оси, и являя поперемѣнно предъ лицемъ его свои поверхности, во время ежедневныхъ обращеній, получаютъ отъ него свѣтъ, нами въ нихъ примѣчаемый. Шары сіи то приближаются къ центральному свѣтилу въ ихъ перигеліяхъ, то удаляются отъ него въ ихъ афеліяхъ по опредѣленному склоненію, и совершаютъ свое годичное обращеніе, тѣмъ продолжительнѣйшее, чѣмъ онѣ большія описываютъ орбиты. И самыя кометы, движущіяся по неизмѣримымъ ихъ параболамъ, исходя изъ тьмы пространства, приближаются иногда въ неравномъ ихъ теченіи къ солнцу, и послѣ опять погружаются въ бездну небесъ.

„А тамъ, можетъ быть, за предѣлами нашей солнечной системы, міріяды неподвижныхъ звѣздъ, — солнцевъ, подобныхъ нашему, — мещутъ лучи свои во глубинѣ выспренней, на такихъ пространствахъ и въ такомъ множествѣ, что устрашаютъ самое смѣлое человѣческое воображеніе.

„И при всемъ томъ порядокъ, правильность и согласіе царствуетъ между всѣми сими сферами отъ самаго начала временъ; онѣ въ безмолвномъ своемъ теченіи прославляютъ всемогущество и славу Создателя вселенныя.

„Ограничась токмо землею, данною намъ въ жилище, и которую дозволено намъ болѣе разпознавать, мы найдемъ другіе предметы, достойные нашего изслѣдыванія и удивленія. Воздухъ, окружающій земной шаръ, бури и непогоды, на

немъ бывающія, воды, наполняющія глубины его; огнедышущія горы, возносящія гордыя свои вершины на поверхности суши, которую онѣ глубоко потрясаютъ; обширныя моря, ревущія въ порывахъ непогодъ; рѣки, протекающія по нашимъ полямъ, напоевающія ихъ своими водами и оплодотворяющія; тысячи разнообразныхъ измѣненій земель и климатовъ; богатые минералы, образующіеся въ нѣдрахъ земли: — не уже ли все сіе не достойно человѣческаго любопытства?

„Однакожъ есть предметы еще драгоцѣннѣйшіе и полезнѣйшіе для нашей жизни. Таково есть царство растѣній, покрывающее землю цвѣтами и плодами, или украшающее лѣсами тѣнистыми; — таково царство животныхъ, оживляющее сцену міра своими играми и любовію, населяющее воздухъ жителями пѣвчими, землю сильными четвероногими,

помощниками въ нашихъ трудахъ, или служащими намъ пищею, наполняющее воды милліонами рыбъ. Какое богатое и неистощимое наслѣдіе для человѣка, сего царя земли, естьли бы онъ умѣлъ въ тишинѣ наслаждаться своимъ счастіемъ!

„Взойди на вершину высокой горы — и необозримый горизонтъ откроется тебѣ со всѣхъ сторонъ, сливаяся съ лазурію небесъ. Какое несчетное совокупленіе предметовъ, очаровательное для чувствъ и важное для размышленій! Подъ ногами носятся облака, парятъ птицы, а тамъ стелются зеленые луга и равнины, орошаемыя потоками серебристыхъ водъ, и хребты сѣдыхъ скалъ съ извивающимися около подножій ихъ глубокими долинами. Въ отдаленности видны лѣса, мрачныя убѣжища дикихъ звѣрей, цвѣтущія поля бѣдныхъ и богатыхъ, дымъ сельскихъ хижинъ и шумныхъ горо-

довъ. Свѣтъ разливается по горамъ и осребряетъ гранитныя скалы, между тѣмъ какъ сѣрые туманы плаваютъ въ долинахъ. Все кажется въ безмолвіи — и воздухъ, и воды, и земля.“

Внимательное чтеніе изданія почтеннаго нашего соотечественника можетъ принесть пользу уму и сердцу. Вотъ цѣль истиннаго и благонамѣреннаго просвѣщенія, основаннаго на Вѣрѣ и нравственности.

17 Февраля 1820 года.

Москва.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

СТИХИ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, по случаю благосклонной ЕЯ подписки на Руской Вѣстникъ сего 1820 года.

Сила благотворенія.

Неистощимое сіянье
Отъ солнечныхъ течетъ лучей;
Оно животворитъ созданье,
Отраду льетъ природѣ всей.
На время отъ очей скрываясь,
Но мраками не облекаясь,
Оно блеститъ въ другихъ странахъ.
Найдутъ ли тучи — изчезаютъ,
И въ новой красотѣ являютъ
Лучи, горящи въ небесахъ.

Въ сіяніи лучей небесныхъ
Благотворенья образъ зримъ;
Оно отрадъ виной всемѣстныхъ,
Страдальцевъ жизнь крѣпится имъ.
Сно какъ солнце лучезарно
Живитъ въ насъ сердце благодарно;
Средь тучь — являетъ кроткій
свѣтъ;

Гдѣ лилися страдальцевъ слезы,
Оно тамъ разсыпаетъ розы;
Слѣды его — блаженства слѣдъ.

*

Благотворительна ЦАРИЦА,
Мать нѣжная сиротъ и вдовъ!
ТВОЯ державная десница,
Къ страдальцамъ милость и любовь, —
Имъ ново солнце возжигаютъ;
Они изъ мрака выступаютъ
И видятъ ясный блескъ небесъ.
Быть Матерью — ТВОЯ отрада,
Сладчайшая ТВОЯ награда —
Чтобъ осушать потоки слезъ.

*

Творя добро и наслаждаясь
Отрадой, данною другимъ,
Въ дѣлахъ добра не упомляясь,
Воззрѣньемъ кроткимъ ТЫ Своимъ

И на труды мои взираешь;
Ихъ новымъ блескомъ озаряешь:
ТЫ любишь всѣмъ благотворить.
Страдальцевъ Матерь неизмѣнна!
Пусть жизнь ТВОЯ благословенна
Какъ солнце завсегда блеститъ!

Издатель Рускаго Вѣстника.

20 Февраля 1820 года.

Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Новое дѣтское чтеніе, Часть II.
Нѣкоторыя произшествія и нравственность, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанія и изъ книгъ духовныхъ.

Отечественныя вѣдомости.

Торопитесь дѣлать добро, или Суворовъ подъ Варшавою.
Стихи И. И. Дмитріеву.
Начертаніе жизни и дѣяній Московскаго Митрополита Платона.
На смерть Профессора Романа Ѳедоровича Тимковскаго.
Увѣдомленіе о новыхъ книгахъ.

Прибавленіе къ отечественнымъ вѣдомостямъ.

Стихи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, по случаю благосклонной ЕЯ подписки на Руской Вѣстникъ сего 1820 года.